

почте и железных дорогах, врачей в их числе было 40.103, критиков — 856, писателей — 8.287, повивальных бабок 15.043. Официально занесенных в списки идиотов и стопроцентных кретинов в Германии было 36.461. Писатель Л. Ф. по несчастной случайности вынужден был сталкиваться и иметь дело с большей частью из них. 93 человека из них, впрочем, в настоящее время занимают высокие государственные посты в Германской империи.

Что касается Мюнхена, в котором писателю Л. Ф. пришлось провести большую часть своей жизни, то город этот в последний год пребывания в нем писателя Л. Ф. насчитывал 137 высокоодаренных людей, 1.012 — со способностями выше среднего уровня, 9.002 — со средними способностями, 537.284 — со способностями ниже нормы и 122.962 стопроцентных антисемита. Из 537.284 людей со способностями ниже нормы сейчас занимают высшие посты в государственных учреждениях или занимаются интеллигентными профессиями — 8.318, из 9.002 людей со средними способностями — 112 человек, из 1.012 со способностями выше среднего — 17, из 137 высокоодаренных — 1. Писатель Л. Ф. проявил необычайную жизнеспособность, совершив в атмосфере этого города 407.263.054 вдоха и выдоха и не нанеся этим заметного ущерба своему здоровью.

Писатель Л. Ф. совершил 23.257 простительных грехов, большинство из них под влиянием лени и несколько флегматичной жажды наслаждений, а также и 2 серьезных греха. Он совершил 10.096 добрых дел большинство из них под влиянием ленивого добродушия, и 2 действительно хороших поступка, которыми он гордится перед самим собой. Он владел 1 раз в жизни домом, который 1 раз был конфискован; 6 раз он оказывался обладателем значительного состояния, 4½ раза уплывавшего благодаря инфляции и 1 раз подвергшегося конфискации, и 1 раз обладал подданством, которого 1 раз был лишен. К тому моменту, когда власть захватили национал-социалисты, у него имелось 28 рукописей, 10.248 книг, 1 автомобиль, 1 кошка, 2 черепахи, 9 цветочных клумб и 4.212 других предметов, которые во время обысков, произведенных национал-со-

циалистами, были либо разрушены, либо убиты, либо растоптаны, либо украдены, либо другими способами «изъяты». Полиция трижды подтверждала, что «изъятия» эти были произведены на основании распоряжения прусского министра внутренних дел, 4 раза — что они были произведены коммунистами, переодетыми в форму штурмовиков.

Писатель Л. Ф. был 1 раз женат. Он спас 1 девушку от утопления, 2 юношей — от занятия актерским искусством, 6 не совсем неспособных молодых людей — от профессии писателя. В 106 случаях подобного рода он, правда, оказался бессилем.

Писатель Л. Ф. сочинил 11 драм, из них 3 хороших, которые ни разу не были поставлены, 1 весьма посредственную, которая ставилась 2.346 раз, и 1 очень плохую, которая, в виду того, что он права на постановку ее не давал, незаконно ставилась на сцене 876 раз. В драме среднего качества, много раз ставившейся, им была случайно допущена опечатка в списке действующих лиц, в связи с чем 41-я стихотворная строчка полностью потеряла всякий смысл. Эта 41-я стихотворная строка на 2.346 спектаклях произносилась 197 актерами, причем ни один режиссер, актер или рецензент, а также ни один из 1.500.000 зрителей ни разу не заметили этого.

Из 5 романов писателя Л. Ф. были отпечатаны в Германии всего в 527.000 экземплярах. В виду того, что писатель Л. Ф. позволил себе заметить, что в книге Гитлера «Моя борьба», содержащей 164.000 слов, допущено 164.000 нарушений правил немецкой грамматики или стиля, собственные книги писателя Л. Ф. были преданы поруганию, на него было возведено 943 чрезвычайно грубых и 3.248 просто грубых клеветнических обвинений, и книги его в 1.584 инспирированных свыше газетных статьях и 327 радиовыступлений были объявлены ядом для германского народа. 20 экземпляров этих книг, кроме того, были торжественно сожжены. Остаток же этого яда с одобрения германского правительства продолжали в немецком издании продавать за границей, дабы дать возможность германскому правительству ввозить за него иностранную валюту. Германский

государственный банк таким способом, помимо конфискации текущих счетов писателя Л. Ф., пополнил свою кассу еще 13.000 долларов, из коих писателю Л. Ф. достались 0 долларов. После чего субсидируемый государством ипотечный банк потребовал от писателя Л. Ф., чтобы он, в виду того что дом его и денежные средства конфискованы, покрыл выданную под закладную на этот дом ссуду в размере 63.214 имперских марок из своих дальнейших литературных заработков вне пределов Германии. Германское же финансовое ведомство, в виду того что перестали поступать доходы с его конфискованного имущества, приговорило писателя Л. Ф. к крупным штрафам, особенно за «вывоз капиталов за границу».

Писатель Л. Ф. мог в час напечатать на пишущей машинке до 7 страниц, сочинить до 30 строк прозы и до 4 строк стихов. За час писания стихов он терял в весе 325 граммов.

Требования, предъявляемые к писателю Л. Ф. окружающим миром, были весьма многообразны. Ему на прочтение и для дальнейшего продвижения были присланы 8.784 рукописи молодых писателей, которые крайне обижались, если у него уходило более 2 дней на чтение их произведений. 84 таких рукописи были уничтожены вместе с собственными рукописями писателя Л. Ф. при разгроме и ограблении его дома национал-социалистами. 17.169 человек желали иметь его автограф, 826 дам добивались места его секретаря. У него было 202 родственника, 2.124 знакомых и 1 друг. Из 52 его добрых знакомых за 4 года войны было убито 19 человек, за 2 $\frac{3}{4}$ года господства национал-социалистов погибло 22 человека, 11 находится и сейчас в живых.

2.048 человек желали получить у писателя Л. Ф. исчерпывающие сведения о том, является ли Христос, Шекспир, Бисмарк, Ленин, Теодор, Герцль или Гитлер величайшим из всех когда-либо существовавших людей. 515 человек желали получить у него точные данные о том, как «сочинять» книги. 714 раз ему звонили по телефону анонимные доброжелатели, обзывавшие его «гнусным жидом». Он не ответил в своей жизни на

1.084 анкеты. Из национал-социалистской Германии он, несмотря на опасность, с которой было связано для его корреспондентов, окольными путями получил в общей сложности до 2.334 писем, в которых выражалось сочувствие его деятельности.

Писатель Л. Ф. 19 раз в своей жизни был вполне счастлив — и 14 раз безгранично опечален. 584 раза его до боли поражала и чуть ли не до потери сознания доводила человеческая глупость, но затем он перестал на нее реагировать. Очень ясно отдавая себе отчет в том, что заслуги не всегда равноценны успеху и что сам человек не всегда равноценен своим заслугам, он, если бы его спросили: «Удовлетворен ли ты своей жизнью до сегодняшнего дня?», ответил бы: «Да. Еще раз все сначала».

Лион ФЕЙХТВАНГЕР

ЛОЖЬ И НАСИЛИЕ

Германию все плотней и плотней обволакивал туман лжи. Герметически замкнутая от всего остального мира страна отдана была во власть лжи, которую изо дня в день изрыгали фашисты, миллионы раз повторяя ее в газетах и по радио. Для этой цели они создали специальное министерство. Пользуясь всеми средствами современной техники фашисты внушали голодающим, что они сыты, угнетенным, — что они свободны, и палачам, которые должны были бы содрогнуться от растущего возмущения всего мира — что весь земной шар завидует их мощи и величию.

Страна готовилась к войне. Подготовку вели и внутри и за пределами границ, открыто нарушая существующие договоры. Цель жизни — это смерть на поле битвы, — проповедывали фашистские вожди. Война достойным образом осуществляет предназначение нации, — провозглашали громкоговорители. Все свободное время молодежи заполнялось военной муштрой. На улицах снова зазвучали военные песни. В то же время «вождь» в высокопарных истерических речах заверял, что страна неукоснительно придерживается существующих договоров и стремится только к миру. Хитро подмигивая, массам объясняли, что речи «фюрера» предназначены исключительно для дураков за границей и произносятся лишь для того, чтобы можно было без помехи продолжать вооружение. Эта «маскировка», измышленная

Из романа „Семья Оппенгейм“.

«северной хитростью», оправдывается великими целями нации. Так пыталось правительство объединить шестьдесят пять миллионов людей в единый союз хитро подмигивающих двурушников.

В таком же духе воспитывалась молодежь. Ей внушали, что война вовсе не проиграна, что германский народ — самый благородный в мире, и что именно поэтому на него извне и изнутри ополчаются коварные недруги. На расспросы любопытных молодежь должна была отвечать, что у них не военная муштра, а «спорт». Детям внушали, что тот, кто говорит правду, направленную против интересов нации, — негодяй, поставленный вне закона. Детей учили лгать.

В этой фашистской Германии не существовало преступления злее, чем приверженность к здравому смыслу, приверженность к идее мира и к принципам правдивости. Правительство требовало, чтобы каждый тщательно следил за своим близким, за тем, в какой мере он исповедует предписанные фашистами взгляды. Кто не сделал ни одного доноса, тот сам уже был на подозрении. Сосед шпионил за соседом, сын за отцом, приятель — за приятелем. В квартирах разговаривали шопотом, ибо громко сказанное слово проникало сквозь стены. Боялись своего друга, своего подчиненного, официанта, подававшего обед, боялись спутника по трамваю.

Ложь и насилие переплетались друг с другом. Фашисты отменили принципы, которые со времени Французской революции лежали в основе цивилизации белой расы. Они снова ввели рабство и «загримировали» его под «добровольную трудовую повинность». Они заточали в тюрьмы своих противников, содержали их хуже зверей, подвергали их пыткам и называли это «физической закалкой». Они выжигали им свастики на теле, заставляли их мочиться друг на друга, выщипывать траву ртом, водили их в скоморошьих процессиях по улицам и называли это «воспитанием в духе национального самосознания». Заповедь «не убий» была отменена. Политическое убийство превозносилось как героический поступок, «вождь» величал убийц — именно за то, что они были убийцами, — своими «товарищами»;

убийцам воздвигали мемориальные доски, убитых выбрасывали из могил; одного убийцу — именно за то, что он был убийцей, — возвели в ранг полицейпрезидента. За первые три месяца фашистского господства в стране насчитывали пятьсот девяносто три безнаказанных убийства — больше чем за все предыдущее десятилетие. В эту цифру вошли только обнаруженные, документально подтвержденные убийства. Кроме того, в первые месяцы фашистского господства было казнено больше людей, чем за предыдущие пятнадцать лет.

Ложь и нищета переплетались друг с другом. «Свобода и хлеб» в устах фашистов означало: свободу для них — убивать своих противников и хлеб для них — за счет хлеба и работы, отнятых у других. Они изгнали из страны или заточили в тюрьмы талантливых людей, чтобы очистить место для своих бездарных ставленников. Они подняли цены на продукты и снизили заработную плату. Голод и нищета росли в массах. За первые три месяца фашистского господства число браков сократилось на пять с половиной процентов по сравнению с соответствующим периодом за прошлый год; смертность повысилась на шестнадцать процентов. Безработица разрослась неизмеримо: по числу безработных Германия заняла первое место в мире. А фашисты, и глазом не моргнув, утверждали, что они сократили безработицу.

Ложь, корысть и удовлетворение собственных аппетитов переплетались друг с другом. Кто принадлежал к господствующей партии, тот мог упрятать своего конкурента в концентрационный лагерь. Самый популярный человек в Германии, чей голос особенно охотно слушали по радио народные массы, заключен теперь в концентрационный лагерь. Под угрозой концентрационного лагеря у кредитора-еврея вымогали отказ от взыскания долга, а еврея-должника заставляли платить до срока. Еврею-домовладельцу отказывались вносить квартирную плату: «ему переведут ее в Палестину». Все нефашисты жили под постоянным страхом. Достаточно было обмолвиться, что при нынешнем правительстве поднялись цены на мясо, или, что программа какого-нибудь фашистского празднества была недостаточно хо-

рошо составлена, чтобы попасть в концентрационный лагерь; достаточно было и голословного обвинения в таком «преступлении». Если фашисту не нравился нос какого-нибудь прохожего, — он мог этот нос разбить. Потом он заявлял, что этот вот — с носом — недостаточно быстро поднял руку, когда раздался фашистский гимн. И все было в порядке.

Народ-то был хорош. Он дал великих людей и великие дела. Его составляли сильные, трудолюбивые, способные люди. Но их культура была молода. Оказалось нетрудно злоупотребить их поверхностным, безотчетным идеализмом, разжечь атавистические инстинкты, пещерные страсти — и вот прорвалась тонкая оболочка культуры. А отсюда то, что случилось. Внешне страна была такой, как всегда. Катились трамваи и автомобили; функционировали рестораны и театры; у газет были те же названия, те же шрифты. Но внутренне страна изо дня в день все больше и больше дичала, нищала, загнивала, гибла. Зверство и ложь разъедали ее. Вся жизнь превратилась в зловонные румяна.

Очень многие проявляли равнодушие к общественной жизни. Они верили в обманчивое спокойствие будней, в искусственное веселье празднеств и манифестаций, которые фашисты устраивали в изобилии, чтобы заглушить нищету крестьян и рабочих, ужасы концентрационных лагерей и лагерей трудовой повинности. К тому же те, кто заступили место изгнанных талантливых людей, и те, кто питались объедками со стола новых властителей, создавали иллюзию нового благополучия. Большинство населения поймать на эту удочку, конечно, не удалось: возмущенных было больше, чем довольных. При виде марширующих отрядов штурмовиков недовольные прятались в подворотни, только чтобы избежать обязательного приветствия. Они до крови закусывали губы, когда слышали гнусную песню о том, что «день хорош лишь тогда, когда еврею всаживают нож в глотку». Но никто не смел открыть рта: за разговоры привлекали к суду.

В эту пору в Германии научились лгать. Вслух фашистов прославляли, а втайне проклинали. Одевались в коричневый цвет фашизма, а в сердце таили красный

цвет его врагов. «Бифштекс» — называли они себя сами (потому что, как бифштекс, они были коричневыми снаружи и красны внутри). Партия «бифштексов» была куда многочисленнее партии «вождя». Но их голоса не прорывались за границу, а голоса из-за границы не доходили до них.

В берлинском предместье Кепеник была казарма штурмовиков, известная под названием «Демут» («Смирение»). Казарма эта пользовалась печальной славой, так как в ней заключенных подвергали жестокой «обработке». В то время как их увечили в подвале, штурмовик заводил на дворе свой мотоцикл. Шум мотора заглушал крики истязуемых и стук ударов. Этот мотор, действующий вхолостую и заведенный только для того, чтобы заглушить крики пытаемых, был символом Третьей империи.

Безумием и ложью являлось все, что делали и приказывали властители Третьей империи. Ложью были их слова, и ложью было их молчание. С ложью они вставали, с ложью ложились. Весь их строй был ложью, ложью были законы, ложью были их приговоры, ложью была их немецкая речь, наука, право, вера. Ложью был их национализм и «социализм». Ложью были их мораль и любовь. Все было ложью. Правда была только в одном: в их ненависти.

Страна стонала. Но она хранила покой и порядок. Столпом этого порядка было шестьсот тысяч ландскнехтов, фундамент его состоял из ста тысяч заключенных. Страна была доведена до нищеты, страна была доведена до разорения. Но гуляющие по Курфюрстендамму в Берлине, по Юнгфернштигу в Гамбурге или по Гохштрассе в Кельне видели только спокойствие и порядок...

В концентрационном лагере его зарегистрировали. Георг Тейбшиц из Берлина¹ — Шарлоттенбург, ул. Кнезебек, дом № 92, возраст — сорок девять лет, доставлен за неблаговидное поведение. Его наголо обрили, велели раздеться — нехотя расстался он со своим се-

¹ Густав Оппенгейм — один из героев романа, эмигрировавший после фашистского переворота за границу, возвращается в Германию с чужим паспортом на имя Георга Тейбшица.

рым костюмом — и принудили облачиться в полосатую куртку и штаны. Куртка была слишком длинна, штаны оказались слишком коротки...

Его привели во двор. Его поставили в одну шеренгу с пятью другими и приказали стоять смирно. Для надзора к ним приставили трех молодых штурмовиков с грубыми, добродушными крестьянскими лицами.

Все шестеро должны были только стоять на выдержку — и больше ничего. Первые полчаса стояния не слишком утомили Густава. С самого приезда в Германию в нем гнезилось неопределенное предчувствие, что его предприятие должно закончиться именно так: стоять вот здесь, руки по швам, под суровым надзором глупых, добродушных молодцов...

Так думал и чувствовал Густав в первые полчаса. Потом он стал чувствовать только одно: «Я этого не выдержу». Его и других заставили голодать до вечера. Сосед Густава уже давно начал слабеть, никнуть; с помощью резиновой дубинки ему вернули выправку. «Если бы только затылок не болел так», — подумал Густав.

«Вот я сейчас выставлю правую ногу, нет, — левую. Тогда они начнут бить. А я все-таки выставлю левую ногу. Я просто приподниму ее и несколько раз поболтаю в воздухе». Но он этого не сделал.

Наконец разрешено было стать вольно. Это было великое счастье. Это причиняло одновременно и боль и удовольствие. Им дали на ужин по бутерброду с салом. Густаву хотелось пить, но воды, к сожалению, им не дали. Вместо этого им приказали выстроиться на переключку. Они должны были древнеримским жестом салютовать поднятому в этот момент фашистскому знамени и петь германский национальный гимн. Только после этого можно было лечь.

Густава поместили в камеру, где было еще двадцать три заключенных. В камере было тесно и очень воняло. Можно было себе представить, что в этом помещении будет через несколько часов.

Густава мучила жажда. Солома кололась и вызывала зуд. Вонь становилась все нестерпимее. Но жажда заставила его забыть о вонь, а болезненная усталость